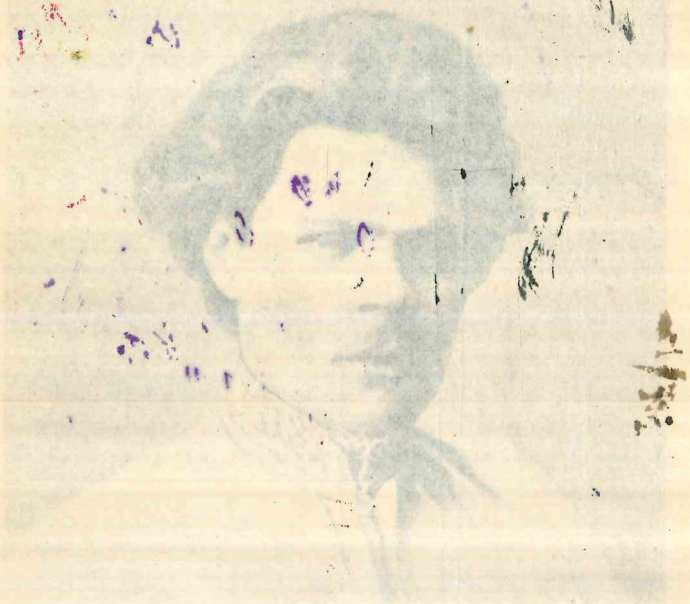

А. М. Пешков (М. Горький) — 1890 г.г.

ГОРЬКИЙ

С 61/84 С 61/84

СБОРНИК СТАТЕЙ И ВОСПОМИНАНИЙ О М. ГОРЬКОМ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И. ГРУЗДЕВА

ПОГАШЕНО
52-6842

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

И. БЕЛОУСОВ

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

С Алексеем Максимовичем Пешковым я познакомился в самом начале 900-х годов на литературных «Средах» Н. Д. Телешова в Москве. В то время Горький жил в Нижнем-Новгороде. Н. Д. Телешов, встретившись с ним там и познакомившись, пригласил его бывать на «Средах», и Горький, как только приезжал в Москву, посещал эти «Среды». Там я и встретился с ним в первый раз.

Высокий, худощавый, с грубоватыми чертами лица, одетый в темную суконную блузу, высокие сапоги, — он сначала выделялся в нашей среде своим костюмом и говором на о.

Но чем чаще посещал он «Среды» и чем больше мы присматривались к нему, — мы ближе узнавали его: спокойный, уравновешенный — он как будто не умел горячиться, вспыхивать, но речь его всегда была красочна, он умел убедительно сказать то, в чем был уверен, и мы с жадностью слушали его рассказы о его скитаниях, о встречах с интересными людьми, в которых он умел подметить самое существенное, умел проникнуть в самое нутро.

Однажды Горький явился на «Среду» с молодым человеком в коричневом пиджаке с красивым профилем лица, с темными, откинутыми назад волосами,

— Это вот Леонид Андреев — талантливый парень, — рекомендую, — сказал Горький, и Андреев сделался членом «Среды»; и как он полюбил это товарищеское объединение, так и мы полюбили его. Все свои лучшие рассказы он прочитал впервые на «Средах».

И сам Горький читал на «Средах». Помню, он прочитал в первый раз свою пьесу «На дне».

Я тогда был близко знаком с народником Н. Н. Златовратским, который, как и все народники, косо смотрел на тех, кто сотрудничал в марксистских журналах, а в том числе и на Горького.

Я как-то зашел к Златовратскому как раз после прочтения Горьким на «Среде» пьесы «На дне» и стал рассказывать ее содержание. Из всех действующих лиц в пьесе Златовратского, видимо, заинтересовал Лука; старик-народник заставлял меня повторять слова Луки, и после моего рассказа сказал: «Ну, что ж, — это очень хорошо!» и переменил свое мнение о Горьком.

Я заметил, что Горький при первом появлении на «Средах» обратил на себя внимание костюмом — слишком демократическим по тогдашнему времени; но вскоре этот необычный для столичных жителей костюм нашел себе подражателей: Леонид Андреев, Шаляпин облачились в поддевки русского покроя

и надели сапоги с высокими голенищами, а о Скитальце и говорить нечего, — он костюмами переще-голял самого Горького, а иногда на литературные вечера являлся в каких-то необыкновенного цвета блузах с галстухами самых ярких цветов и огромных размеров.

Тогда всех людей, одевающихся под Горького, называли «Подмаксимками» и про эту компанию даже была сложена песенка на мотив из «Фауста» — «На земле весь род людской...»

Но Горький, одеваясь просто, по-демократически, не думал рисоваться своим костюмом, — он просто носил его потому, что находил удобным для себя, а до других ему не было дела. Он и теперь одевается так же просто, как и прежде. Последователи Горького вскоре оставили это «ряжение», Горький же, повторяю, остался неизменным потому, что это было не нарочитое «ряжение», а сознательная потребность.

Впоследствии моду «рядиться» переняли футуристы, но те пошли куда дальше последователей Горького...

В то время высокий гонорар могли оплачивать только дорогие, т. е. толстые журналы, — в них большею частию и встречались имена известных писателей. Дешевые же журналы не могли себе позволить такую роскошь, как приглашение в сотрудники писателей с известными именами.

И Горький сотрудничал в толстых журналах. Но

однажды на «Среде» известный издатель рублевого «Журнала для всех» — В. С. Миролюбов убедил Горького сотрудничать и у него. Помню, тогда на «Среде» были: Горький, Андреев, Скиталец, Вересаев и многие другие писатели, тогда уже входившие в известность. Миролюбов начал говорить, что напрасно писатели стараются помещать свои произведения в толстых журналах.

— Кто их читает? — говорил он. — Да и много ли у них читателей? — каких-нибудь пять шесть тысяч, а у меня около 100 тысяч подписчиков, да и журнал идет в самые глухие углы России... У меня вам надо печататься!

Все слушали и молчали; наконец, Горький сказал:

— Этот длинный Миролюбов прав, — у него надо печататься!

К мнению Горького примкнули и другие писатели, а А. П. Чехов так полюбил этот «Журнал для всех», что мечтал перевести редакцию в Москву и стать его редактором.

Сколько начинающих писателей посылало Горькому свои произведения для прочтения и отзыва? — Я думаю, таких посылок он получал, да и до сих пор получает, тысячи.

Мне приходилось видеть очень много писем Алексея Максимовича к писателям из народа. Для характеристики я привожу письмо Горького к одному незаметному писателю М. А. Логинову-Тихоплещу,

умершему 6 октября 1912 года. Письмо Горького было получено им за несколько месяцев до смерти.

«Уважаемый Михаил Андреевич!

Книги вам будут высланы из Питера. «Звенья» [1] еще не прочитал, но часть рассказов этой книжки знакома мне, — читал их в разных изданиях.

Меня очень радует и трогает каждый раз, когда люди «трудовой жизни», подобные вам, не теряют веры в себя и людей и тратят все силы души на работу освобождения ближних из мрака и горя.

Будьте здоровы, не теряйте веры в себя и жизнь, остальное все приложится.

Жму руку А. Пешков».

Что мог почувствовать бедняк, безвестный писатель, получивши такое письмо? Как оно окрылило силы этого больного человека!

И не одному Тихоплещу Алексей Максимович писал ободряющие и всегда серьезные и содержательные письма.

Вот отрывки из письма к одному писателю-самоучке, присланного Горьким в 1908 году:

«Я уверен, что вам станет ясно, что жаловаться на жизнь людям бесполезно, а гораздо полезнее осуждать людей за порчу жизни, за их черствое и грубое отношение друг к другу, за то, что они так любят сидеть на шее ближнего своего. Все это бу-

---

[1] «Звенья» — сборник рассказов Тихоплеща, изданный в Москве в 1912 году.

дет ясно для вас, если вы займетесь самообразованием и будете больше читать образцовых писателей.

Вы не один и не первый самоучка-писатель, это надо помнить для того, чтобы постараться выдвинуть себя из ряда других, для того, чтобы научиться как можно сильнее и ярче изображать жизнь и мысли рабочего люда.

Не останавливайте ваше внимание только на себе самом и не описывайте только вашу жизнь и ваши мысли, — помните, что сотни тысяч людей живут в положении, подобном вашему и даже много более тяжелом.

Старайтесь находить общие стремления и вот их излагайте кратко, сильно и просто.

И не жалуйтесь на тяжесть жизни, — жалуются бессильные, а люди, уважающие себя, должны требовать признания за ними человеческого права на свободный труд и на свободную жизнь. Требовать, а не просить, не жаловаться, не стонать, ибо это — дело нищих, которые не должное им требуют, а милостыню просят...

Человек должен уважать себя, должен гордо говорить всем и каждому: я таков же, как и ты, во всем равен тебе; я имею право жить так же хорошо, такой же полной жизнью, как ты...»

Вспоминается мне еще один характерный случай: когда я в 1911 году задумал издавать дешевый журнал «Путь» и обратился к Алексею Максимовичу за советом и с просьбой принять сотрудничество в журнале, то получил от него много полезных советов и наставлений и две «Сказки», которые были напечатаны в журнале «Путь» в № 2 за 1911 год и в № 4 за 1912 год.

Присылая эти «Сказки», Алексей Максимович сопроводил их письмом, в котором он писал мне, что гонорар ему платят по 50 рублей за сказку и, следовательно, за мной он считает 100 рублей, которые и просит меня переслать одной политической деятельнице. Она только что вышла из тюрьмы, больна и очень нуждается, — поясняет Алексей Максимович свою просьбу о немедленной высылке ей денег и прилагает ее адрес.

Это письмо хорошо характеризует Горького в его отношениях к людям, испытавшим гнет царского времени.

В настоящее время Алексей Максимович, по состоянию своего здоровья, принужден жить вдали от того, что органически связано с его творчеством, с его жизнью. Издалека он чувствует, слышит, что здесь творится новая эра человечества, а потому все его мысли здесь, среди нас...

Мне пришлось прочитать несколько писем, присланных Алексеем Максимовичем из Италии в последнее время.

Вот как он пишет одному начинающему писателю, который послал ему свои впечатления от прочтения его последних произведений:

«Пишу я вот уже 35 лет, но это еще не значит что все мною написанное — хорошо...»

И дальше пишет:

«Ваше мнение для меня дороже мнения профессиональных критиков, — они ведь не скажут мне — понятен ли я тем людям, которые ныне мужественно создают новую жизнь...»

И мне Алексей Максимович в письме от 15 апреля 1927 года из Сорренто пишет:

«Не знаю, как вас в Москве, а меня здесь многое в современной жизни России и удивляет и восхищает...

Очень внимательно читаю молодых литераторов,— хорошие задатки у многих».

В этих последних письмах я вижу того самого Горького, которого знал 25 лет тому назад, — всем интересующегося и жадного до всего того, что касается литературы, общественной жизни и жизни писателей, вышедших из низов.

Январь 1928 г.

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

РАННИЙ ГОРЬКИЙ

ний, как раз и определяющих ее бурный подъем, быстроту и свежесть ее течения.

Костюм сшит, стихи прочитаны, деньги кончаются: нужно уезжать из Сорренто. Мы хотим еще проехать до самого кончика, до носка итальянского сапога, побывать в Палермо и потом вернуться обратно. Теплый дождь пеленой закрыл близлежащие горы, машина Максима Пешкова, на которой он повезет нас в Кастеллямаре, пыхтит у дверей. Последние пожелания во что бы то ни стало встретить Горького весной в России, крепкое объятие его длинных мускулистых рук, — усы у него, как оказалось, совсем мягкие, — мы забираемся под поднятый верх машины, чугунные ворота раскрыты, мотор рвет с места. Оглядываясь, вижу его высокую фигуру в верблюжьем жилете, широком муаровом поясе, кожаных туфлях, на фоне сводчатой стеклянной двери, он машет нам вслед рукой.

И автомобиль рушится вниз с Капо ди Сорренто по крутой, извилистой, покрытой лужами белой дороге.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
От редакции	5
В. Десницкий. — Горький нижегородских лет	7
Н. Семашко. — Революционер-культурник	85
С. Я. Елпатьевский. — Человек сказки	93
С. Протопопов. — Заметки о М. Горьком	103
И. А. Белоусов. — Максим Горький	117
Алексей Толстой. — Ранний Горький	127
Вл. Немирович-Данченко. — М. Горький и Московский Художественный Театр	139
К. С. Станиславский. — «На дне»	155
В. В. Лужский — К постановке «На дне»	167
С. Маршак. — Издали и вблизи	177
Михаил Пришвин — Мятежный наказ	187
Иван Новиков. — О Горьком	201
А. Пинкевич. — М. Горький и начинающий писатель	209
Л. Френкель. — Маленький эпизод	219
Вячеслав Шишков. — Встречи	225
А. Демидов — Мои встречи с М. Горьким	253
Р. Арский. — М. Горький во время войны 1914 г.	277
Ефим Зозуля. — Без штампа	303
Макс Бартель. — Привет Максиму Горькому	315
Всеволод Иванов. — Сентиментальная трилогия	321
К. Чуковский. — Горький во «Всемирной»	335
Николай Никитин. — О Горьком (заметки)	367

СТР.

Виктор Шкловский. — Пафос количества 377
Д. Лутохин. — М. Горький (А. М. Пешков) 387
С. Сергеев-Ценский. — Жизнелюбец 401
П. Керженцев. — У Горького в Сорренто 411
Вл. Лидин. — Горький 423
П. Коган. — У Горького 429
Ольга Форш. — Портреты 443
Николай Асеев. — В гостях у Горького 451